

человеке, и “злой”, “губительной” иронии, разрушающей веру, любовь, творчество людей - в произведениях Некрасова разных жанров.

Объектом наблюдений является цепочка стихотворений разных лет, объединенных данным лейтмотивом: он обуславливает наличие иногда очевидного, подчас едва проступающего пародийного, трагестийного начала. Рассматривается ассоциативно-жанровый фон многих текстов «панаевского» цикла, определивший специфику создания и развертывания мотивного комплекса в нем. Осуществляется попытка исследования жанровых вариантов пародии и самопародии, трагестии, иронической эпитафии, приемов контаминации различных жанровых основ в творчестве таких современников Некрасова, как Добролюбов, Случевский, Полонский и Козьма Прутков.

Е. В. Моисеева
Екатеринбург

МОТИВ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЕМ В РАССКАЗАХ С. КРЖИЖАНОВСКОГО.

В своеобразном, сложно организованном художественном мире С. Кржижановского важную роль играет система образов-мотивов, в характере функционирования которой проявляются черты и сущностного, и формоориентированного типов мышления художника. Созданные Кржижановским образы-мотивы становятся тем специфическим стилевым приемом, который обеспечивает единство и цельность художественного мира и помогает выявить важные смысловые подтексты. Показателен в этом отношении рассказ Кржижановского “Швы” (1927-1928).

Ключевой формо- и смыслообразующий образ-мотив “швов” подчеркнуто вынесен автором в “сосмысленное” заглавие. Непосредственный текст произведения представляет собой “поток сознания” рефлексирующего героя-повествователя, чья несомненная близость к авторскому “я” усилена предельно субъективированной, “перволичной” формой речи.

Текст рассказа Кржижановского реализует экзистенциальную ситуацию, когда герой перед лицом смерти пытается сказать «последнюю правду» о мире, найти слово, стремящееся не назвать суть, а выразить ее как-то по-новому, непривычно. Именно такое “непривычное”, “неноминативное” слово, вырывающееся за пределы логики и строящее свои “контексты” и “подтексты”, становится у Кржижановского лейтмотивным. Насыщенное экзистенциальным

смыслом лейтмотивное слово позволяет художнику осуществлять переход от бытового уровня повествования - к бытийному в рамках одного абзаца: "В швы моего обтёрханного пальто втискивается холод... В сущности, я ношу на себе свою проблему: швы, расплзшиеся краями, вырубцевавшиеся, с прогнившей ниткой внутри - швы".

Заданный словом героя образ-мотив шва становится основой формирования субъективной картины мира, обостренно чувствуя бездомную чужеродность человека в мироздании, "расщелину между каждым из нас и вселенской жизнью" (А. Мальро), герой Кржижановского представляет мир как множество "онтологических одиночеств", как ряд "несочетанных монад", "обособляющихся особей", умеющих жить лишь "спина к спине". Экзистенциальная идея трагического одиночества личности в изначально лишенном разумного начала, дисгармоничном и жестоком мире последовательно реализуется художником самой специфической стилиевой формой, "скрепленной" изнутри ключевым образом-мотивом: "И всё-таки все "я" сшиты в "мы"; из индивидуумов - хотя на живую нитку - а получается общество, некое одно, сделанное из одиночеств».

Благодаря использованию Кржижановским образа-мотива предстают оформленными, зримо запечатленными и художественное пространство и время произведения, существующие прежде всего как продукт отражения внутреннего мира героя: "...всё оттого, что я меж "здесь" и "там", в каком-то меж - в шве"; "меня обронило внутрь уличного шва"; "странно: и улицы Москвы похожи на расплзшиеся каменные швы..."

В "Швах" и само сознание героя предстает "кусовым", "сшитым": "...и писать-то не могу иначе, как кусок за куском, в отрыве, по шву. И у мысли - будто короткое дыхание: вдох - выдох, выдох - вдох. Трудно додумывать". Мышление героя изображено автором как дискретное, "затрудненное", "припадочное": "...моментами пробую думать. Правда, только пробую: ступишь - срыв, еще раз - срыв"; "...вместо силлогизмов чуть логизированная муть".

Ценностная значимость мотива "шва" обретает внешнее стилиевое завершение благодаря особой композиционной оформленности произведения: оно как бы "сшито" из отдельных тринадцати отрывков. То, что их именно тринадцать ("несчастливое число"), читается в контексте произведения как не случайная деталь.

Наблюдения над функционированием образа-мотива в рассказе С. Кржижановского "Швы" подводит нас к вопросу о жанровом своеобразии произведения.